

Н. Ю. Жуковская, Д. С. Казарова
Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк)

В. А. Типунова
Средняя школа № 33 им. П. Н. Шубина
(Липецк)

ЛИЧНЫЕ ПРАВА РЕБЕНКА: СУЩНОСТЬ И СЛАГАЕМЫЕ КОНЦЕПТА

В статье анализируются теоретические и нормативно-правовые основы концепта «личные права ребенка», выявляются его сущность и содержание, а также место, которое в нем занимают категории «наилучшие интересы ребенка» и его «жизненно важные потребности». Авторы последовательно рассматривают особенности трактовки понятий «права человека», «личные права ребенка», «личные неимущественные права ребенка», «интересы ребенка». Необходимость такого анализа, по мнению авторов, обусловлена практической задачей четко определить правовые основания, механизмы и субъектов обеспечения и защиты прав несовершеннолетних. При проведении исследования были использованы общенаучные методы (анализа и синтеза, построения гипотез, систематизации), частные методы общественных наук (формально-юридический, конкретно-исторический, компаративный), а также методы эмпирических исследований (наблюдение, изучение и обобщение психолого-педагогического опыта).

Авторы приходят к выводу, что правовой институт «личные права ребенка» имеет комплексный, межотраслевой характер, а его содержание не исчерпывается ни совокупностью закрепленных в Основном законе государства личных прав и свобод человека, ни набором личных неимущественных прав, подпадающих под действие норм гражданского и семейного права. При этом особую группу личных прав ребенка образуют права, имеющие отношение к психолого-педагогическим практикам (право на общение со сверстниками, на поддержку для развития способностей, право не подвергаться давлению педагогов и т. п.).

Ключевые слова: личные права ребенка, интересы ребенка, личные неимущественные права ребенка, права психолого-педагогического характера, «наилучшие интересы ребенка», жизненно важные потребности

Для цитирования

Жуковская Н. Ю., Казарова Д. С., Типунова В. А. Личные права ребенка: сущность и слагаемые концепта // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 13–24. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-13-24.

УДК 342.7

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-13-24

Введение

В современном обществе дети являются особым объектом опеки и защиты. Международное сообщество в целом и каждая страна в отдельности стремятся создать благоприятные условия для полноценного развития и воспитания несовершеннолетних, обеспечить их комфортное вхождение во взрослую

жизнь. Отдельная группа этих необходимых для нормального развития ребенка условий связана с обеспечением прав детей, прежде всего их особой категории – личных прав ребенка. В совокупность последних входят такие непреходящие ценности, как право на жизнь, личную неприкосновенность, достоинство и т. п., а также специфические права,

которые могут принадлежать только детям: право на воспитание в семье, заботу, общение с родителями. Между тем исчерпывающих представлений о составе прав ребенка, которые могут быть отнесены к категории личных, сегодня нет ни в международном, ни в национальном праве.

Актуальность исследования вопросов, связанных с конкретизацией содержания личных прав ребенка и их реальным обеспечением, обусловлена рядом обстоятельств:

несмотря на кажущееся разнообразие международно-правовых и национальных институтов, созданных для защиты прав человека (в том числе ребенка), эксперты фиксируют недостаток внимания к реальному обеспечению прав детей;

в международном сообществе сегодня наблюдается явный интеллектуальный раскол по вопросу содержания прав детей и, в частности, того смысла, который несет в себе широко используемое в зарубежной судебной и иной социальной практике понятие наилучших интересов ребенка. Например, имеется противоречие между установками, которые транслирует сегодня Запад с его ориентацией на «гендерную идентичность», раннее половое просвещение и т. п., и целями воспитания, которые реализуются в государствах, придерживающихся традиционных ценностей (религиозных, семейных, культурно-исторических);

не утрачивает остроты тема психического и физического насилия в отношении детей, которая имеет непосредственное отношение к понятию «личные права ребенка». Так, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), только в Европе жертвами физического насилия ежегодно становятся более 55 млн детей и подростков; вследствие жестокого обращения в год преждевременно умирают, как минимум, 850 детей в возрасте до 15 лет [Жукова, Жуковская 2018: 84];

тема личных прав ребенка имеет прямое отношение к ситуации, которая складывается в современной школе. Это, в частности, обострившаяся в последние годы проблема выстраивания корректных взаимоотношений между учителями и учениками в рамках образовательного процесса, неуважительное отношение учителя к несовершеннолетним, с одной стороны, и хамского поведения учеников в классе – с другой [Ветошкин 2020].

Таким образом, несмотря на то что основополагающий международно-правовой акт в сфере обеспечения личных прав ребенка – Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. – действует уже более 30 лет, проблемы, связанные с содержанием и эффективностью системы обеспечения и защиты прав детей, сохраняют остроту. Среди прочего их актуальность обусловлена отсутствием ясности как в определении совокупности (и отраслевой принадлежности) личных прав несовершеннолетних, так и в установлении степени их реальной защиты в современных условиях. (Сделаем оговорку: в рамках данной статьи термины «ребенок» и «несовершеннолетний» используются в качестве синонимов.)

Объем специальной научной литературы, посвященной вопросам защиты прав ребенка, довольно велик. Это говорит не только о значительном интересе исследователей к названной проблематике, но и о серьезной озабоченности общества тем, в каком направлении будет развиваться институт защиты личных прав ребенка. Но характерно и то, что исследователи чаще рассматривают либо отдельные группы прав несовершеннолетних (права ребенка как воплощение прав человека [Ивлева, Баева, Утяшев 2012; Гончарова, 2020]; личные неимущественные права ребенка в семейных или гражданских правоотношениях [Елисеева 2019; Миролюбова 2012; Подрабинок 2020; Татаров 2018]), либо проблемы, возникающие в связи с определением «наилучшего обеспечения интересов ребенка» в судебной практике и социальной работе и различиях в их трактовке в российском и международном праве [Кабанов 2018; Павленко 2021; Serin 2023; Keddell 2023].

Наиболее адекватной представляется позиция тех авторов, которые полагают, что категория «права ребенка» требует комплексного изучения (в рамках как междисциплинарного, так и разноотраслевого подхода), способного составить общетеоретическую базу для наиболее полного учета интересов несовершеннолетних в различных сферах регулирования.

В то же время, несмотря на многочисленные исследования, остается практически неразрешимым вопрос, связанный с определением пределов допустимого вмешательства социума (родителей и особенно государства) в сферу личных прав ребенка, с определением критериев «благих намерений», мак-

симально отвечающих интересам несовершеннолетних. Большинство национальных юрисдикций сегодня сталкивается с тем, что ограничения для вмешательства общества в личные права ребенка фактически отсутствуют [Michałowska 2022; Margaletić 2023], а между теоретическими представлениями об этих правах и социальной практикой существует разрыв [Кравчук 2020].

«Права ребенка» и «личные права»: соотношение понятий

Под правами ребенка в целом подразумеваются права человека, ограниченные особенностями положения детей. Безусловно признается, что дети – это личности, находящиеся в процессе становления. Они представляют собой специфическую категорию субъектов права, к которой относятся лица определенного возраста (до 18 лет), неспособные самостоятельно осуществлять защиту своих прав в силу недостаточного развития, духовной и физической незрелости. Международное право относит детей к категории «уязвимых групп общества», т. е. таких, которые не обладают полноценными возможностями защищать свои права и свободы. Отсюда особое внимание общества к вопросам обеспечения и защиты прав несовершеннолетних.

В рамках национальных и международно-правовой систем защиты прав человека необходимость выделения защиты личных прав ребенка в самостоятельную правовую сферу обусловлена объективными причинами. В числе последних: физическая и психическая незрелость несовершеннолетних, исторически обусловленный более низкий социальный статус детей по сравнению с социальным статусом взрослых, неспособность ребенка осознавать свои права и интересы и самостоятельно защищать их.

Однако «особенности положения», которые подразумевают, что дети не обладают всей полнотой прав, присущих взрослым, определяются внутренним законодательством государств и зачастую очень разнятся между собой. Проиллюстрировать это можно хотя бы на примере права на образование. Данное право (включая право на получение бесплатного начального и общего образования) закреплено непосредственно в ст. 26 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а значит,

каждое государство, разделяющее международно-правовые представления об общепризнанных правах и свободах человека, обязано гарантировать своим гражданам возможность получить бесплатное начальное и общее образование. В конституционном же праве многих государств, включая Россию, объем реализации права на образование определяется исключительно волей государства. При этом в основных законах многих государств (в том числе высокоразвитых – Германии, Японии) право на образование упоминается без определения его обязательного уровня или гарантий бесплатности. В конституционных актах Сингапура и Афганистана образование не упоминается вообще: в них нет ни гарантий права на образование, ни соответствующей обязанности.

Для того чтобы составить наиболее полное представление о личных правах ребенка, необходимо дать краткую характеристику самого понятия «личные права» и их трактовку в юридической и иной обществоведческой литературе.

В среде специалистов по юриспруденции в совокупности личных прав принято выделять две составляющие: 1) права в широком смысле (которые являются производными от прав и свобод, имеющих универсальный международно-правовой характер) и 2) личные права в узком смысле (к которым относятся личные неимущественные права, выступающие предметом регулирования семейного и гражданского права) [Темникова 2010]. Содержание и объем прав обеих названных категорий пересекаются, поскольку в конституционно-правовой институт прав и свобод человека входят не только право на жизнь или личную неприкосновенность, но и, например, право на имя, достоинство, невмешательство в частную жизнь и др. Однако если расширенная трактовка личных прав требует обращения к истории становления прав ребенка вообще, к их международно-правовым истокам, то рассуждения о личных неимущественных правах ребенка ориентированы на обеспечение и защиту прав несовершеннолетнего во внутрисемейных отношениях (силами национального гражданского и семейного права).

В связи с тем что личные неимущественные права тесно связаны с личными правами, понимаемыми в широком смысле, и не-

посредственно из них вытекают, в детальном рассмотрении нуждаются как первые, так и вторые.

Личные права ребенка как часть института прав и свобод человека

В структуре общих представлений о правах и свободах человека личные права образуют особую группу с присущими только им сущностными признаками. Заметим, однако, что в международном праве нет отчетливого деления прав на личные (естественные, неотъемлемые) и прочие и что категория «личные права», по сути, имеет чисто теоретический характер. К сущностным признакам личных прав, как показывает анализ большого числа доктринальных источников [Татаров 2018; Гончарова 2020; Елисеева 2019; Романова 2012 и др.], относятся:

принадлежность к правам, которые присущи каждому человеку от рождения и не зависят от пола, расы, национальности, социального статуса, не связаны с гражданством и другими социальными характеристиками;

неотъемлемость (неотчуждаемость), независимость от воли государства в силу того, что права данной группы являются по своей природе негативными; в литературе принято придавать им естественноправовой характер (в частности, в конституционном праве России эта группа прав определяется как естественные права человека);

реализация таких прав в индивидуальном порядке, самой личностью (в отличие от прав, которые предполагают их осуществление в группе, коллективно, например право на забастовку, избирательное право и т. п.).

К личным правам и свободам человека согласно Конституции Российской Федерации относятся право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность; право на невмешательство в частную жизнь, личную и семейную тайну; право на защиту чести и доброго имени; право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства; свобода совести, мысли и слова. Перечисленные права, как следует из Конституции Российской Федерации (ст. 45, 46, 48, 50 и др.), дополняются и определенными правами процессуального характера, которые также являются неотъемлемыми. Это, например, право на судебную защиту, на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод, на справедливое и гу-

манное судопроизводство, презумпцию невиновности, запрет пыток и др.

Представленная характеристика личных прав позволяет утверждать, что они принадлежат к одному из важнейших элементов правового статуса личности в целом, к совокупности тех прав и свобод, которые выражают жизненно важные потребности и интересы человека, опосредуют его становление как уникальной личности. Реализация указанных прав не только способствует выживанию человека в современных условиях, но и служит источником социального прогресса в целом.

Таким образом, личные права по своему содержанию – это негативные права, естественные права человека (а следовательно, и любого ребенка). Их совокупность образует фундаментальную основу всех прочих прав и свобод.

Понятие и содержание личных неимущественных прав ребенка

Личные неимущественные права направлены преимущественно на обеспечение и защиту прав ребенка в самом ближайшем его окружении – среди родственников, сверстников, в школе и в других детских организациях. Само словосочетание «личные неимущественные» в данном случае обозначает лишь отраслевую «привязку» этой группы прав, их частноправовой характер, а вовсе не то, что рассмотренная ранее группа личных прав имела имущественную составляющую. Очевидно, что права на жизнь, достоинство, личную тайну и др. по содержанию являются неимущественными.

Стоит отметить, что, по оценкам юристов, личные неимущественные права (в отличие от прав и свобод человека) не имеют отчетливых признаков, подходящих для каждого из таких прав [Романова 2012: 41]. В литературе можно встретить следующие основные характеристики прав этой группы:

права рассматриваемой категории тесно связаны с личностью ребенка: такое право не может быть отчуждено, оно сопровождает человека на протяжении всего периода его взросления, а в некоторых случаях – и всю жизнь;

у таких прав отсутствует экономическое содержание: личное право не обусловлено имущественными интересами субъекта;

реализация прав направлена на формирование личности ребенка, выявление его способностей и развитие индивидуальности;

право реализуется в рамках правоотношений, называемых абсолютными, поскольку управомоченное лицо (ребенок) вступает во взаимоотношения с неограниченным (неопределенным) кругом обязанных лиц;

весьма существенную роль в определении прав рассматриваемой категории играет то, что обязанности по обеспечению личных прав ребенка возложены на его родителей или законных представителей [Татаров 2018: 64].

К числу личных неимущественных прав ребенка относятся, например, право на заботу и совместное проживание со своими родителями, право на воспитание в семье, на всестороннее развитие; возможность общения с родителями и другими родственниками; право на имя, право выражать свое мнение и т. п.

Принимая во внимание изложенное, вполне обоснованным считаем определение реализуемых в семье личных неимущественных прав ребенка, предложенное Н. А. Романовой. По ее мнению, таковыми являются «возникающие с момента рождения на основании (или в силу) закона права, прекращающиеся по достижении совершеннолетия; реализующиеся в семейных отношениях, в которых одной из сторон выступает ребенок; направленные на воспитание, образование, обеспечение духовного развития и формирование ребенка полноценным членом общества» [Романова 2012: 42].

Перечень предусмотренных ст. 150 Гражданского кодекса РФ личных неимущественных прав, которые принадлежат ребенку в той же степени, что и всем прочим людям, является открытым. Среди прочих в него включены права на честь и доброе имя, свободу передвижения, имя, авторство, свободу выбора места жительства и другие права, «принадлежащие гражданину в силу закона или от рождения». Именно эта норма права России позволяет, с одной стороны, признавать неделимость категории «личные права ребенка», но с другой – уравнивать значимость как самих прав, так и потенциальных способов их обеспечения. Вместе с тем Гражданский кодекс РФ не предусматривает механизмов обеспечения и защиты прав детей, что значительно усложняет их реализацию.

Изложенное позволяет заключить, что личное неимущественное право по сути является правом субъективным, т. е. тесно связанным с личностью своего носителя (субъекта), в на-

шем случае – ребенка. Соответственно у такого права имеются специфические основания возникновения, изменения и прекращения. В частности, общим основанием возникновения права выступает сам факт рождения ребенка [Темникова 2010: 82]. Если с самого раннего возраста ребенка не будут удовлетворены его потребности в пище, одежде, развитии, заботе о его здоровье, он не сможет полноценно сформироваться как личность, в которой преобладают социально значимые качества.

Психолого-педагогические права ребенка

Помимо деления прав детей на неотъемлемые права человека и личные неимущественные права, в литературе встречаются и другие способы классификации личных прав ребенка.

Например, в работе С. М. Самариной, рассматривающей проблемы обеспечения личных прав ребенка в общеобразовательной организации, все они поделены на три группы: 1) права, которые непосредственно связаны со школой (другой образовательной организацией) и полностью зависят от нее (например, право на участие в школьных культурно-массовых мероприятиях, на досуг, соблюдение санитарных норм и др.); 2) права, которые реализуются в зависимости от социально-педагогической позиции учителя (право на свободное выражение своего мнения, адекватную реакцию на поведение, свобода совести, мысли и т. п.); 3) права, которые подразумевают создание особых механизмов, обеспечивающих их реализацию (например, право обучающихся на психолого-педагогическую поддержку, на защиту от психологического насилия, помощь в выборе будущей профессии, в поощрении особых дарований и др.) [Самарина 2010: 52]. Однако предложенную классификацию нельзя признать удовлетворительной. В частности, сомнительным представляется выбор критериев для выделения названных групп прав: он не позволяет сформулировать единые признаки таких личных прав и четко отграничить одну их группу от другой. Соответственно невозможно разграничить (по субъектам реализации, способам выполнения, правовым основаниям) и механизмы обеспечения этих прав.

В то же время рассуждения о совокупности прав, которые необходимы для полноценного развития ребенка и реализуются

в его ежедневных практиках (в организациях общего и дополнительного образования, в общении с педагогами и сверстниками), позволяют выделить еще одну самостоятельную группу их личных прав – права психолого-педагогического характера. Совокупность этих прав весьма обширна, поскольку к ним можно отнести, например, право быть выслушанным, не подвергаться давлению педагогов, право общаться со сверстниками, получать поддержку для приобретения тех или иных навыков и др. Особенность этой группы прав заключается в их большой вариативности и значительной обусловленности таким фактором, как индивидуальные особенности ребенка. В частности, для особо одаренного ребенка будет крайне важна помощь в развитии его способностей, в создании условий для получения им дополнительных знаний и навыков. Для ребенка с ограниченными возможностями здоровья потребуется реализация права на инклюзивное образование и доступную образовательную среду. Для ребенка, отстающего в развитии, необходима работа с дефектологами и другими специалистами по коррекционной педагогике. Для каждого ребенка будет важна адекватная реакция на его поведение и др. [Ветошкин 2020]. Все перечисленные потребности будут иметь прямое отношение к личным правам ребенка.

Содержание понятий «интересы ребенка» и «наилучшее обеспечение интересов ребенка»

Рассуждения о том, что включает в себя понятие «личные права ребенка», были бы неполными без уточнения того, в чем состоят интересы несовершеннолетнего и что понимается под обеспечением его прав. На международном уровне данные категории по сей день понимаются по-разному. Соответственно и в трактовках понятий «интересы ребенка» или «меры по их обеспечению» нет единообразия, особенно в контексте интеграции в национальные законы.

Содержание названных категорий постоянно меняется под действием ряда факторов. Во-первых, в каждом случае оно зависит от возраста несовершеннолетнего и уровня его развития (у детей разного возраста разные интересы). Во-вторых, представления об интересах детей изменяются на глобальном уровне: по мере либерализации общественных отношений в международно-правовом дискурсе

выявляются новые виды дискриминации несовершеннолетних. Например, в принятой Советом Европы Стратегии по правам ребенка (2022–2027) предполагается вести борьбу с дискриминацией любых видов, в том числе по признаку «сексуальной ориентации и гендерной идентичности». Эти соображения позволяют «под новым углом» взглянуть на интересы ребенка и необходимые механизмы их защиты и соответственно поставить вопросы, на которые национальные юрисдикции ответов пока не дают. Отсюда большой разброс в представлениях как об интересах ребенка, так и о способах их защиты на национальном и международном уровнях.

Стоит напомнить, например, что именно несовпадения в понимании интересов детей и способов их обеспечения в 2012 г. привели к разрыву отношений между Российской Федерацией и Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ) и к прекращению деятельности Фонда на российской территории. В 2016 г. Россия отказалась принять в «целостном виде» упомянутую выше Стратегию Совета Европы по причине ее несоответствия государственной семейной политике Российской Федерации.

Практически во всех международно-правовых актах, посвященных защите прав детей, начиная с Конвенции ООН 1989 г. используется понятие «наилучшие интересы ребенка» (*the best interests of the child*), которое подразумевает благополучие ребенка в целом, т. е. такую реализацию его прав и интересов, которая могла бы обеспечить наилучший результат для самого ребенка. При этом критерии достижения «наилучшего результата» не определены, что на практике зачастую провоцирует столкновение интересов общества (отдающего приоритет, например, защите прав на неприкосновенность частной жизни взрослого человека) и интересов конкретного ребенка.

Ориентиром для наиболее адекватного понимания «наилучших интересов ребенка» на международном уровне может служить Замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета ООН по правам ребенка. Согласно ему в процессе реализации концепции «наилучших интересов ребенка» среди прочего должны быть учтены: «универсальный, неделимый, взаимозависимый и взаимосвязанный характер прав детей»; признание их

лицами, «наделенными правами»; «краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные последствия действий, касающихся развития ребенка с течением времени» (п. 16). Из документа следует, что государства обязуются «уважать, защищать и осуществлять все права детей» (п. 16), а «нестандартизированная» процедура оценки их интересов (п. 48) среди прочего должна учитывать: индивидуальные особенности ребенка, его взгляды (п. 53), уязвимое положение, право на здоровье и образование. Лица, осуществляющие оценку наилучших интересов ребенка, должны стремиться к сохранению его семейного окружения и поддержанию отношений с членами семьи (в том числе к недопущению распада семьи) (пп. 58–60). Оговаривается также, что по мере взросления ребенка все большая значимость должна придаваться его личному мнению (п. 44).

Основная цель разработки и применения концепции наилучших интересов ребенка – обеспечить физическую, психологическую, моральную и духовную целостность и неприкосновенность ребенка и содействовать утверждению его человеческого достоинства [Кравчук 2020: 108]. Однако даже с учетом изложенных выше критериев оценки «наилучших интересов» Замечание Комитета ООН по правам ребенка 2013 г. нельзя признать документом, дающим исчерпывающие ответы на все вопросы, связанные с выявлением интересов ребенка и определением его жизненно важных потребностей.

Отечественные авторы понятие «наилучшие интересы ребенка» используют преимущественно лишь для сопоставления положений российского и международного права, поскольку содержание этого понятия фактически совпадает с представлениями об интересах ребенка как таковых. Говоря иначе, российские исследования, посвященные интересам ребенка, можно считать вкладом в развитие концепции «наилучших интересов ребенка» (или, если точнее, наилучшего обеспечения прав ребенка), и можно утверждать, что в процессе выявления сущности этих интересов нет необходимости использовать эпитет «лучшие». Например, в изложении О. А. Бондаренко под интересами ребенка понимается имеющаяся у него субъективная потребность «в благоприятных условиях существования» [Бондаренко 2017: 46], в соз-

дании для него такой среды, которая необходима для его полноценной жизни и развития. Очевидно, что приведенное определение направлено на создание условий, максимально обеспечивающих благополучие ребенка, т. е. на наилучшее обеспечение его интересов.

Дополнительный нюанс в содержание рассматриваемой категории вносит Н. В. Кравчук, которая замечает, что для российской правовой школы наиболее характерно употребление понятия «законный интерес ребенка». Такая формулировка подчеркивает, с одной стороны, зависимость смыслового наполнения этого интереса от усмотрений законодателя, а с другой – на гарантированность его правовой защиты. Однако такой подход дает дополнительные основания обозначить разницу в трактовке как самих интересов, так и критериев их оценки, которые используются в международном праве и в праве России.

Мнения отечественных и зарубежных авторов совпадают в том, что понятие «интересы ребенка» является крайне сложным для точного определения в связи с многообразием его признаков [Кравчук 2017; Keddell

Основная цель разработки и применения концепции наилучших интересов ребенка – обеспечить физическую, психологическую, моральную и духовную целостность и неприкосновенность ребенка

2023]. В. А. Ветошкин, например, справедливо полагает, что «право ребенка на благополучное развитие подразумевает практически все правовые аспекты человеческого существования» [Ветошкин 2020: 29] (начиная с реализации права на жизнь и здоровье и заканчивая, например, правом на любовь и понимание). Однако на практике приоритет отдается опять же интересам общества, а не субъективным интересам ребенка.

Наиболее проблемный аспект выявления «наилучших интересов ребенка» – трактовка его предполагаемых «жизненно важных потребностей», которая сегодня очень размыта. Так, в одних случаях эта потребность включает в себя относительно высокий уровень материальной обеспеченности, способствующий всестороннему развитию ребенка, в других – акцент ставится на нравственном,

духовном и физическом развитии личности ребенка. При этом выделяется учет такого критерия, как личное мнение ребенка [Кравчук 2017: 98], хотя на практике оно зачастую игнорируется в угоду обеспечению «благоприятных условий» для развития [Миролюбова 2012].

Следовательно, понятие «интересы ребенка» в сочетании с представлениями об их наилучшем обеспечении формируют основу личных прав детей любой отраслевой принадлежности. Однако до настоящего времени у этой оценочной категории нет однозначного содержания ни в доктрине, ни в российском законодательстве.

Традиционно в литературе отмечается, что дети не могут осознанно относиться к своим интересам. По этой причине содержание интересов маленьких граждан принято не только передавать, но и формировать посредством воли лиц, призванных заботиться о ребенке, – «его законных представителей, органов опеки и попечительства» [Бондаренко 2017: 45]. Так, очевидно, что отказ ребенка, например, посещать школу в сочетании с его повышенным интересом к художественному творчеству не будет воспринят окружающими взрослыми (родителями, учителями и т. п.) как его личное право, которое необходимо защищать. Соответственно оценка интересов ребенка есть всегда результат общественного волеизъявления.

К слову, на основании анализа уже упомянувшегося ранее Замечания общего порядка № 14 (2013) Комитета ООН по правам ребенка можно сделать вывод о наличии еще одной специфической группы личных прав ребенка. Это «процессуальные права», предназначенные для наиболее полноценного следования концепции наилучшего обеспечения прав ребенка при вынесении решений, касающихся его судьбы. Соблюдение такого права будет означать, что процесс принятия решения в отношении конкретного ребенка включает в себя оценку возможного как позитивного, так и негативного воздействия данного решения на его дальнейшую судьбу [Кабанов 2018: 56].

Изложенное позволяет заключить, что сложившиеся институты защиты прав детей как в России, так и за рубежом ориентированы не только на деятельность судебных органов и иных правозащитных структур, но и на ежедневный учет интересов ребенка в обыч-

ных бытовых ситуациях в школе, в детском саду, в семье. Однако полноценно используются они только в процессуальном праве. Реализация же такого подхода предполагает формирование соответствующих правовых механизмов, а равно фактическое изменение отношения государства и общества к детям, обеспечение уважения их конкретных прав, но вместе с тем и предъявление к ним разумных, соответствующих возрасту требований.

Несмотря на действующие международно-правовые стандарты, которые целенаправленно вмешиваются в вопросы защиты детства, современное российское право, призванное защищать интересы несовершеннолетних, развивается под влиянием двух факторов: а) государственно-политических приоритетов; б) ориентации на благополучие ребенка, понимаемое в духе традиционных национально-культурных ценностей. В этой части российское право до некоторой степени вступает в противоречие с тенденциями развития правовых норм части мирового сообщества, понимающего под интересами несовершеннолетних не только обеспечение их благополучия и полноценного развития в своей семье, но и необходимость защиты ребенка от собственных родителей, не разделяющих, например, идеи о раннем половом просвещении. По сути, полностью встроены в российское законодательство лишь базовые элементы международно-правовой системы защиты прав детей. При этом слабой стороной отечественных институтов обеспечения прав ребенка остается их неспособность должным образом уравновесить названные факторы. Как следствие, большая часть ориентированных на детей норм имеет рекомендательный, а не обязательный характер, а объем реального регулирования остается ограниченным.

Заключение

Таким образом, личные права ребенка представляют собой сложносоставную категорию. К ним относится совокупность непосредственно привязанных к субъекту (ребенку) прав и свобод, которые обеспечивают жизнь и личную неприкосновенность несовершеннолетнего, процесс его воспитания, обучения и всестороннего развития, способствуют достижению физической и духовной зрелости. В число личных прав ребенка входят как права и свободы конституционно-

правового характера (право на жизнь, личную неприкосновенность, достоинство и др.), так и права, берущие начало во внутрисемейных отношениях (право на воспитание в семье, на заботу, на общение с родителями и т. п.). В особую группу прав в соответствии с критерием их обеспечения в рамках образовательной организации и непосредственной связи с обучением и воспитанием можно выделить права, которые имеют психолого-педагогический характер.

Необходимость определить совокупность личных прав ребенка и их отраслевую принадлежность непосредственно связана с решением вопросов их обеспечения (определением правовых оснований, механизмов и субъектов реализации). Представляется, что только однозначное закрепление последних позволит установить равновесие между личными правами и свободами, носителем которых является каждый ребенок, и социальной необходимостью.

Список литературы

Keddell E. On Decision Variability in Child Protection: Respect, Interactive Universalism and Ethics of Care // *Ethics and Social Welfare*. 2023. Vol. 17. № 1. P. 4–19. DOI: 10.1080/17496535.2022.2073381.

Margaletić Č. A. Prava roditelja na privatnost i zaštitu osobnih podataka i dobrobit djeteta kao vrhunski pravni standard // *Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu*. 2023. № 5. P. 931–954. DOI: 10.3935/zpfz.73.5.04.

Michałowska K. Limits of Parental Interference in a Child's Personal Rights – Selected Issues // *Białostockie Studia Prawnicze*. 2022. Vol. 27. № 3. P. 49–69. DOI: 10.15290/bsp.2022.27.03.03.

Serin H. Violation of Rights at Schools: Violation of Personal Data Protection and Legal Dimension of Body and Belongings Search // *HAYEF: Journal of Education*. 2023. № 3. P. 297–303. DOI: 10.5152/hayef.2023.23053.

Бондаренко О. А. «Интересы ребенка» как правовая категория // *Legal Concept*. 2017. № 1. С. 44–49. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.1.7.

Ветошкин С. А. Педагогико-правовые проблемы обеспечения благополучного развития ребенка в России // 30 лет Конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2020 г.) / науч. ред. Е. М. Дорожкин, И. Р. Мороков. Екатеринбург: РГППУ, 2020. С. 27–38.

Гончарова С. Г. Система конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации // 30 лет Конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2020 г.) / науч. ред. Е. М. Дорожкин, И. Р. Мороков. Екатеринбург: РГППУ, 2020. С. 42–45.

Елисеева А. А. Личные неимущественные права, обязанности детей и родителей в российской семье: эволюция правового института // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 2. С. 124–130. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.124-130.

Жукова Е. В., Жуковская Н. Ю. Семейное насилие в отношении несовершеннолетних и способы противодействия ему в России и за рубежом // *Грани педагогики безопасности: материалы студенческой Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием* (Екатеринбург, 23 ноября 2018) / сост. В. В. Гафнер. Екатеринбург: УрГПУ, 2018. С. 83–94.

Ивлева Т. В., Баева Р. Р., Утяшев М. М. Генезис конституционного права ребенка на свободу и личную неприкосновенность // *Вестник Башкирского университета*. 2012. № 1. С. 349–352.

Кабанов В. Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка по международному и национальному праву. М.: Экон-Информ, 2018. 332 с.

Кравчук Н. В. «Интересы ребенка» в международном и российском праве: сравнительный анализ доктрины и практика применения // *Государство и право*. 2020. № 2. С. 107–116. DOI: 10.31857/S013207690008548-4.

Кравчук Н. В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 97–103. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103.

Миролюбова О. Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 56–58.

Павленко Е. М. Обеспечение наилучших интересов и безопасности детей: международные стандарты и практика в России // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. 2021. № 4. С. 75–85. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.08.

Подрабинок Е. М. Особенности возникновения субъективных личных неимущественных прав несовершеннолетних граждан // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 110–123. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.110-123.

Романова Н. А. Понятие и классификация личных неимущественных прав ребенка // Юридическая наука. 2012. № 1. С. 39–42.

Самарина С. М. Обеспечение личных прав ребенка – одно из основных направлений деятельности общеобразовательного учреждения // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1. С. 50–57.

Татаров В. А. Осуществление прав ребенка на достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя по гражданскому законодательству Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. С. 62–66. DOI: 10.24411/2312-0444-2018-10011.

Темникова Н. А. Понятие и классификация семейных личных неимущественных прав ребенка // Вестник ОмГУ. Сер. Право. 2010. № 2. С. 82–89.

Наталия Юрьевна Жуковская – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. 398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, д. 42. E-mail: lgpu322@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-3143-7000

Диана Сергеевна Казарова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. 398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, д. 42. E-mail: kazarova-diana@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3778-3825

Виктория Александровна Типунова – учитель истории и обществознания, советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями средней школы № 33 им. П. Н. Шубина. 398036, Российская Федерация, Липецк, бульвар Шубина, д. 15. E-mail: tipunova1@mail.ru.

ORCID: 0009-0005-1855-2860

The Personal Rights of the Child: The Essence and Summands of the Concept

The purposes of the article are to analyze the theoretical and law foundations of the concept «the personal rights of the child», to identify its essence and content, as well the place occupied by the categories of «the best interests of the child» and his «vital needs» in it. The authors consistently consider the peculiarities of the interpretation of concepts of «human rights», «personal rights of the child», «personal non-property rights of the child», «interests of the child». The need for such an analysis is due to the practical tasks to clearly define the legal grounds, mechanisms and subjects of ensuring and protecting the rights of minors. The researchers used general scientific methods (analysis and synthesis, hypotheses, systematization), specific methods of social sciences (formal legal, concrete historical, comparative methods), as well as methods of empirical research (observation, study and generalization of psychological and pedagogical experience).

The authors conclude, that the legal institution «personal rights of the child» has a complex, intersectoral character; the content of this institution is not limited either by the totality of personal human rights and freedoms enshrined in the Constitution of the State, or by a set of personal non-property rights subject to the norms of civil and family law. At the same time, a special group of personal rights of the child is formed by rights related to psychological and pedagogical practices (for example, the right to communicate with peers, to obtain support for the development of abilities, the right not to be subjected to pressure from teachers, etc.).

Keywords: personal rights of the child, interests of the child, personal non-property rights of the child, rights of a psychological and pedagogical nature, the best interests of the child, vital needs

Recommended citation

Zhukovskaya N. Yu., Kazarova D. S., Tipunova V. A. Lichnye prava rebenka: sushchnost' i slagaemye kontsepta [The Personal Rights of the Child: The Essence and Summands of the Concept], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 13–24, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-13-24.

References

Bondarenko O. A. «Interesy rebenka» kak pravovaya kategoriya [«The Interests of the Child» as a Legal Category], *Legal Concept*, 2017, no. 1, pp. 44–49, DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.1.7.

Eliseeva A. A. Lichnye neimushchestvennye prava, obyazannosti detei i roditelei v rossiiskoi sem'e: evolyutsiya pravovogo instituta [Personal Non-Property Rights, Obligations of Children and Parents in the Russian Family: The Evolution of the Legal Institution], *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, 2019, no. 2, pp. 124–130, DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.124-130.

Goncharova S. G. *Sistema konstitutsionnykh prav i svobod rebenka v Rossiiskoi Federatsii* [The System of Constitutional Rights and Freedoms of the Child in the Russian Federation], Dorozhkin E. M. (ed.) *30 let Konventsii o pravakh rebenka: sovremennye vyzovy i puti resheniya problem v sfere zashchity prav detei* [30 Years of the Convention on the Rights of the Child: Modern Challenges and Ways to Solve Problems in the Field of Protection of Children's Rights]: conference papers, Ekaterinburg, RGPPU, 2020, pp. 42–45.

Ivleva T. V., Baeva R. R., Utyashev M. M. Genезis konstitutsionnogo prava rebenka na svobodu i lichnyuyu neprikosnovennost' [Genesis of the Constitutional Right of the Child to Freedom and Personal Inviolability], *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 349–352.

Kabanov V. L. *Realizatsiya printsipa nailuchshego obespecheniya interesov rebenka po mezhdunarodnomu i natsional'nomu pravu* [Implementation of the Principle of the Best Interests of the Child in International and National Law], Moscow, Ekon-Inform, 2018, 332 p.

Keddell E. On Decision Variability in Child Protection: Respect, Interactive Universalism and Ethics of Care, *Ethics and Social Welfare*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 4–19, DOI: 10.1080/17496535.2022.2073381.

Kravchuk N. V. Nailuchshie interesy rebenka: sodержanie ponyatiya i ego mesto v semeinom zakonodatel'stve Rossii [The Best Interests of the Child: The Content of the Concept and Its Place in the Russian Family Law], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2017, no. 5, pp. 97–103, DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103.

Kravchuk N. V. «Interesy rebenka» v mezhdunarodnom i rossiiskom prave: sravnitel'nyi analiz doktriny i praktika primeneniya [«Interests of The Child» in International and Russian Law: Comparative Analysis of the Doctrine and Practice of Application], *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 2, pp. 107–116, DOI: 10.31857/S013207690008548-4.

Margaletić Č. A. Prava roditelja na privatnost i zaštitu osobnih podataka i dobrobit djeteta kao vrhunski pravni standard, *Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu*, 2023, no. 5, pp. 931–954, DOI: 10.3935/zpfz.73.5.04.

Michałowska K. Limits of Parental Interference in a Child's Personal Rights – Selected Issues, *Białostockie Studia Prawnicze*, 2022, vol. 27, no. 3, pp. 49–69, DOI: 10.15290/bsp.2022.27.03.03.

Miroljubova O. G. O semeino-pravovom ponyatii «interesy rebenka» [On the Family-Legal Concept of «The Interests of the Child»], *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 4, pp. 56–58.

Pavlenko E. M. Obespechenie nailuchshikh interesov i bezopasnosti detei: mezhdunarodnye standarty i praktika v Rossii [Ensuring the Best Interests and Safety of Children: International Standards and Practice in Russia], *Vestnik MGPU. Ser. Yuridicheskie nauki*, 2021, no. 4, pp. 75–85, DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.08.

Podrabinok E. M. Osobennosti vznikoventiya sub"ektivnykh lichnykh neimushchestvennykh prav nesovershennoletnikh grazhdan [The Origin of Personal Non-Property Rights of Minor Citizens], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2020, no. 2, pp. 110–123, DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.110-123.

Romanova N. A. Ponyatie i klassifikatsiya lichnykh neimushchestvennykh prav rebenka [The Concept and Classification of Personal Non-Property Rights of a Child], *Yuridicheskaya nauka*, 2012, no. 1, pp. 39–42.

Samarina S. M. Obespechenie lichnykh prav rebenka – odno iz osnovnykh napravlenii deyatel'nosti obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Ensuring the Personal Rights of a Child is One of the Main Activities of a General Education Institution], *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2010, no. 1, pp. 50–57.

Serin H. Violation of Rights at Schools: Violation of Personal Data Protection and Legal Dimension of Body and Belongings Search, *HAYEF: Journal of Education*, 2023, no. 3, pp. 297–303, DOI: 10.5152/hayef.2023.23053.

Tatarov V. A. Osushchestvlenie prav rebenka na dostoinstvo lichnosti, lichnyu neprikosновенost', chest' i dobroe imya po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii [The Exercise of the Rights of the Child to Personal Dignity, Personal Inviolability, Honor and Good Name under the Civil Law of the Russian Federation], *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2018, no. 2, pp. 62–66, DOI: 10.24411/2312-0444-2018-10011.

Temnikova N. A. Ponyatie i klassifikatsiya semeinykh lichnykh neimushchestvennykh prav rebenka [The Concept and Classification of Family Personal Non-Property Rights of a Child], *Vestnik OmGU. Ser. Pravo*, 2010, no. 2, pp. 82–89.

Vetoshkin S. A. *Pedagogiko-pravovye problemy obespecheniya blagopoluchnogo razvitiya rebenka v Rossii* [Pedagogical and Legal Problems of Ensuring the Safe Development of the Child in Russia], Dorozhkin E. M. (ed.) *30 let Konventsii o pravakh rebenka: sovremennye vyzovy i puti resheniya problem v sfere zashchity prav detei* [30 Years of the Convention on the Rights of the Child: Modern Challenges and Ways to Solve Problems in the Field of Protection of Children's Rights]: conference papers, Ekaterinburg, RGPPU, 2020, pp. 27–38.

Zhukova E. V., Zhukovskaja N. Ju. *Semeinoe nasilie v otnoshenii nesovershennoletnikh i sposoby protivodeistviya emu v Rossii i za rubezhom* [Family Violence against Children and Ways of Counteraction to It in Russia and Abroad], Gafner V. V. (ed.) *Grani pedagogiki bezopasnosti* [Facets of Pedagogy of Safety]: conference papers, Ekaterinburg, UrGPU, 2018, pp. 83–94.

Natalia Zhukovskaya – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of state and legal disciplines, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. 398020, Russian Federation, Lipetsk, Lenin str., 42. E-mail: lgpu322@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-3143-7000

Diana Kazarova – candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of state and legal disciplines, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. 398020, Russian Federation, Lipetsk, Lenin str., 42. E-mail: kazarova-diana@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3778-3825

Victoria Tipunova – teacher of history and social studies, advisor to the Director of education and interaction with children's public associations, Secondary School no. 33 named after P. N. Shubin. 398036, Russian Federation, Lipetsk, Shubin boulevard, 15. E-mail: tipunova1@mail.ru.

ORCID: 0009-0005-1855-2860

Дата поступления в редакцию / Received: 11.03.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2024